

УДК 355/359.08+929.5

Личное дело лица, лишённого избирательных прав,
как информационный комплекс в практической генеалогии
(на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии
М. К. Гомбинского)

Д. И. Петин

Исторический архив Омской области, г. Омск
Омский государственный технический университет, г. Омск

Работа представляет собой историко-биографическое исследование, раскрывающее на примере отдельно взятого человека – Михаила Константиновича Гомбинского – неоднозначное положение бывшего офицерства в советской России на рубеже 1920-х – 1930 гг. Пример судьбы героя статьи позволяет оценить источниковый потенциал документов, связанных с лишением советских граждан избирательных прав. Автор приходит к выводу о ценности этого типа документов при изучении общественно-политической жизни середины 1920-х – первой половины 1930-х гг., истории повседневности, а также для исторической биографии и практической генеалогии.

Ключевые слова: офицерство, репрессии, сталинизм, избирательное право, «лишенцы», генеалогия, Омск.

D. I. Petin

The personal file of a person deprived of electoral rights, as an information complex in practical genealogy (for example, the fate of the personnel of the Imperial Russian Army officer M. K. Gombinskiy)

The paper is a historical and biographical research, disclosing an example of a single person – Mikhail Konstantinovich Gombinskiy – ambiguous position of the ex-officers in Soviet Russia at the turn of 1920s – 1930s. An example of the fate of

the hero of the article makes it possible to assess the source potential of this type documents related to the deprivation of Soviet citizens' electoral rights. The author comes to the conclusion about the value of these documents in the study of socio-political life in the mid-1920s - the first half of the 1930s, the history of everyday life, as well as for historical biography and practical genealogy.

Keywords: officers, the repression, Stalinism, the right to vote, «disfranchised», genealogy, Omsk.

Во время существования советского строя для государства и общества сохранялась проблема «бывших людей», особая актуальность которой отмечалась в 1920-е – 1950-е гг. Истоки данного политического явления берут свое начало еще от периода Гражданской войны. Тогда с появлением в стране нового формата власти по классовому принципу были выделены чуждые или в разной степени опасные для советского строя члены бывшего дореволюционного общества [1]. Изначально, в эту категорию уже в первые годы советской власти попали представители дворянства, купечества, чиновничества, офицерства, правоохранительных органов и судебной системы, религиозные служители. И позднее список этот пополнялся.

Предоставляя «бывшим людям» право жительства в постреволюционной России, новая власть стремилась оградить влияние (реальное или потенциальное) таких граждан на советский государственный аппарат и общество. В качестве подобной упредительной меры в 1920-х – 1930-х гг. использовалось лишение «вредных элементов» избирательных прав (согласно установленному в то время конституционному порядку). Фактически данного рода ограничения в правах касались не только права избирать и быть избранным. Лишенцы имели ряд ограничений: они не могли получать высшее образование, часто лишались права проживать в Москве и Ленинграде, а также вернуться в то место, где они были ранее арестованы. Последняя мера должна была предотвратить образование антисоветских групп, партий, организаций и т.п. Лишенцы не могли занимать ответственные должности. Они не имели право получать пенсию и пособие

по безработице. Им не позволялось вступать в профсоюзы, что не допускало их в руководство предприятий и организаций. Кроме того, лишенцы были ограничены по ряду других аспектов (даже сугубо бытовых).

Процедура лишения избирательных прав оставила после себя содержательное документальное наследие – протоколы заседаний органов власти, различные материалы делопроизводства, ходатайства, автобиографии и различные справки лишенцев. В случае если лишенец обращался с просьбой восстановить ему утраченные права, то по ходу рассмотрения вопроса формировалось личное дело лица, лишенного избирательных прав. Такие документы отложились повсеместно в региональных архивах нашей страны в фондах городских (районных) исполкомов и избиркомов.

Многие представители бывшего офицерства в советской России в 1920-е – 1930-е гг. лишились избирательных прав. Но часть этих людей пыталась вернуть себе статус полноценного советского гражданина. Сказались и политические установки бывших офицеров, оставшихся в СССР. Так, И. В. Варзаков считает, что реальных врагов советской власти из числа бывших белых в СССР к тому времени уже не осталось: наиболее убежденные противники большевиков либо погибли в Гражданской войне, либо эмигрировали. В сознании бывших белых, оставшихся в советской России, относительно мягкая обстановка первой половины 1920-х гг. породила оптимистические иллюзии касаясь своей дальнейшей судьбы [2, с. 149].

Р. М. Абинякин указывает, что лишение избирательных прав наиболее остро восприняли те из бывших белых, кто полностью признал советский режим. В 1927 г. прошла кампания по восстановлению избирательных прав бывшим белым офицерам, не служившим в РККА, но работавшим в советских и общественных организациях, членам профсоюзов, если они не были лишены избирательного права по иным мотивам. Решение о восстановлении прав принимал местный исполком на основании предоставления его избиркому. При этом динамика восстановления прав лишенцам была крайне неравномерна по регионам [3, с. 49]. Сами

прецеденты, связанные с восстановлением избирательных прав бывшим белым часто имели индивидуальные особенности [4].

Но уже в первой половине 1930-х гг. многие представители бывшего офицерства, являвшиеся лишенцами, равно, как и восстановившие свои избирательные права, оказались среди фигурантов масштабных политических процессов, став жертвами «большого террора».

Сегодня в историографии есть различные по направлениям работы, освещающие личностно-социальную историю первой трети XX в. [5–8]. И здесь высокую информативность для изучения жизненного пути офицеров в советской России имеют документы особого учета бывших белых. Данный тезис мы неоднократно подтверждали конкретными примерами [9–13]. Но для биографической реконструкции в этот раз нами избран иной подход. Цель работы – на основе изучения корпуса источников, находящихся в составе личного дела лица, лишённого избирательных прав, представить положение бывшего офицерства в СССР в 1920-е – 1930-е гг. В качестве примера выбрана судьба подполковника Михаила Константиновича Гомбинского – кадрового офицера, служившего в Русской императорской и белой армиях. Обратимся к обзору биографии героя статьи. О нем и его семье кратко мы уже упоминали [14]. Но в этом случае вопрос раскрывается полнее, а биографическая реконструкция произведена в той степени, насколько это возможно. Основой для проведения исследования стал комплекс неопубликованных источников из личного дела лишенца М. К. Гомбинского. Картину дополнили краткая записка о службе М. К. Гомбинского на октябрь 1918 г. (из фондов Российского государственного военного архива), а также личные дела родственников героя нашей статьи (из фондов Исторического архива Омской области).

Наш герой родился 8 апреля 1873 г. в Казанской губернии, происходил он из потомственных служилых дворян. Начальное образование юный Михаил Гомбинский получил в Сибирском кадетском корпусе. Окончив его, с 1 сентября 1891 г. юноша был направлен в 3-е Александровское военное

училище. 4 августа 1893 г. подпоручик Гомбинский получил назначение в 42-й пехотный Якутский полк. В дальнейшем судьба и большая часть службы этого офицера будут связаны с Омском, где он сначала служил в Омском резервном батальоне, комендантском управлении, управлении Омской местной бригады и 10-м пехотном полку. В составе полка наш герой участвовал в Русско-японской войне. В 1905-1907 гг. уже капитан Гомбинский был начальником Каракаралинской местной команды. В 1907-1908 гг. М. К. Гомбинский был смотрителем Омского военного госпиталя, а в 1909-1910 гг. служил в интендантском управлении Омского военного округа, затем обер-офицером для поручений Омского вещевого склада. По болезни 9 декабря 1910 г. капитан Гомбинский был уволен из армии, но с 21 декабря 1912 г. был возвращен на службу начальником Омской местной артиллерийской команды. С 8 июня 1913 г. по 11 ноября 1915 г. капитан Гомбинский был начальником Омского артиллерийского склада, после чего до 18 июля 1917 г. находился в действующей армии, командуя 490-м транспортом, а затем 98-м обозным батальоном (временно, с 25 декабря 1916 г. по 25 января 1917 г.). 6 декабря М. К. Гомбинский был произведен в подполковники. С июля 1917 г. наш герой был переведен в 28-й Сибирский стрелковый запасной полк командиром 2-го батальона. Эта должность в старой армии стала для него последней: с 18 января 1918 г. подполковник Гомбинский был уволен с военной службы [15, л. 147–147об.].

Служебный путь М. К. Гомбинского был отмечен орденами Святого Станислава 3-й и 2-й степеней (1904, 1915 гг.) и Святой Анны 3-й и 2-й степеней (1914, 1916 гг.) [15, л. 145об.].

М. К. Гомбинский был женат. Вместе с супругой Евдокией Васильевной они воспитывали четверых детей – Нину, Елизавету, Сергея и Евгению. Накануне 1917 г. Гомбинские жили в городском центре в доме на углу улиц Тарской и Банной (ныне – улица Косарева) [16, л. 9–13].

12 ноября 1917 г. средняя дочь М. К. Гомбинского – Елизавета – вышла замуж за прапорщика Всеволода Борисовича Оссовского (1896 – после 1950).

Можно предположить, что этот брак не был случайным, ведь отцы новобрачных – подполковник М. К. Гомбинский и подполковник Б. А. Оссовский (1864–1916) [17] – были знакомы друг с другом, служа вместе на военно-административных должностях в Каркаралинском уезде. Чуть позже вышла замуж и старшая дочь нашего героя – Нина. Ее избранник, 25-летний Дмитрий Петрович Козлов (впоследствии – поручик колчаковской армии, военный топограф) был родом из Санкт-Петербурга [16, л. 9об., 13; 18, л. 6, 7, 38, 39]. Н. М. Гомбинская с 1917 г. служила по вольному найму машинисткой в Омской судебной палате (в прокурорском надзоре, затем в канцелярии Старшего председателя палаты). Затем она перешла на ту же должность в Акмолинский областный комиссариат. А с 14 августа 1917 г. в Омскую судебную палату на должность машинистки была принята ее сестра – Елизавета, которая до этого, по окончании 1-й Омской женской гимназии и курсов машинописи, с 30 марта по 1 июня 1917 г. служила в Омской продовольственной управе. Е. М. Гомбинская (Оссовская) продолжала работать в Омской судебной палате до сентября 1919 г. [19, л. 1, 2, 3, 9].

С началом в Сибири Гражданской войны М. К. Гомбинский стал служить на стороне антибольшевистских сил. Но в боевых действиях он участия не принимал, получив 9 октября 1918 г. назначение на вакансию заведующего хозяйством Омского артиллерийского склада [15, л. 147об.; 16, л. 9]. Надо оговориться, что по меркам того времени, эта должность была «спокойной». Занять ее М. К. Гомбинский мог и по причине проблем со здоровьем, но нельзя исключать «влияния» связей нашего героя. Этой же причиной можно объяснить то, что на фронт тогда не попал и зять М. К. Гомбинского – поручик В. Б. Оссовский, часто менявший в тылу места службы и должности.

Но вышло так, что в жизненном пути М. К. Гомбинского трагические коллизии его судьбы и события военно-политической истории нашей страны тесно переплелись. В начале ноября 1919 г. Красная Армия была уже вблизи Омска; колчаковская столица спешно эвакуировала свои государственные учреждения и войска. Тогда дочь М. К. Гомбинского Е. М. Оссовская вместе

с супругом – поручиком белой армии выехали по железной дороге на восток, оставив родителям малолетнюю дочь Веру [10, с. 293]. Другая дочь – Нина – также вместе с мужем-офицером находилась вдалеке от дома. И в этот момент на фоне сильных эмоциональных переживаний, вызванных началом катастрофы белой армии в Сибири и тревогой за своих близких, у 46-летнего М. К. Гомбинского произошел инсульт [16, л. 9об.]. Из-за случившегося наш герой, его жена, дочь Евгения и сын Сергей остались в Омске, где с 14 ноября 1919 г., восстановилась советская власть. М. К. Гомбинский 22 марта 1920 г. был освидетельствован Бюро экспертизы подотдела социального обеспечения и охраны труда Омского губернского отдела труда. Врачи диагностировали паралич правой части тела, миокардит, ослабление зрения, слуха, мышечно-костной системы и полную утрату трудоспособности. Состояние здоровья М. К. Гомбинского, остро нуждавшегося в уходе, по заключению медиков не требовало дальнейшего переосвидетельствования, и он получил I группу инвалидности пожизненно [16, л. 7].

Гомбинские до 1929 г. продолжали жить в Омске, в прежнем месте. После поражения белого движения дочери Нина и Елизавета вместе со своими мужьями-офицерами (перешедшими в РККА) вернулись в родительский дом, здесь же жили их малолетние дочери Вера и родившаяся в 1922 г. Ирина [18, л. 6, 7]. Из-за полной утраты трудоспособности М. К. Гомбинский, как домовладелец, был освобожден от уплаты налогов. Но в 1929–1931 гг. за владение жильем наш герой с нарушением тогдашнего финансового законодательства был обложен подоходным налогом. Семья стала испытывать большую нужду в средствах. Обжитый дом пришлось продать, переехав в 1929 г. в небольшой флигель на той же улице [16, л. 4].

Но Гомбинских, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, не оставили те, кому Михаил Константинович когда-то помог. Так, присылал деньги Гомбинским Иван Васильевич Суров – бухгалтер, живший на станции Булаево – бывший солдат, до революции служивший под началом М. К. Гомбинского. Офицер выучил толкового солдата грамоте, назначил писарем.

Но И. В. Суров, как видится, помнил доброту своего начальника. В Подмосковье жили вдова офицера (вероятно, сослуживца М. К. Гомбинского) Юлия Ивановна Наумова и ее дочь Александра, которой Михаил Константинович помогал готовиться к поступлению в Омский акушерский техникум (его девушка окончила в 1927 г.). Устроив свою жизнь в Помосковье, Наумовы не забыли тех, кто сделал добро им, и теперь сам нуждался в помощи. Также поддерживали связь с Гомбинскими бывший капитан Николай Степанович Таланкин и бывший статский советник Аполлон Петрович Буткеев [16, л. 14об., 15].

Но разные жизненные неурядицы не оставляли Гомбинских. Оба зятя Михаил Константиновича, как бывшие белые офицеры, подвергались политическому преследованию. Д. П. Козлов отбывал недолгую ссылку в Нарымском крае; а в 1938 г. он был расстрелян [16, л. 9об.; 20, с. 188]. В. Б. Оссовский арестовывался органами ВЧК–ОГПУ в 1921 и 1933 гг. [10, с. 294, 295, 299–301]. К 1925 г. семейный союз Всеволода и Елизаветы Оссовских распался [16, л. 9об., 13]. Е. М. Оссовская (Гомбинская) с 1920 г. служила машинисткой в Сибирской школе комсостава ЧОН, но потеряла работу из-за расформирования школы в 1924 г. В 1924–1925 гг. она жила временными заработками, подверглась чистке на бирже труда, в 1925–1926 гг. служила машинисткой общего отдела Омского губернского финансового отдела; в 1930-е гг. она занимала ту же должность, но в Омском отделении Госбанка, позднее была суфлером в Доме Красной Армии и Омском ТЮЗе [16, л. 10, 12об.; 21, л. 1А, 2, 5, 9об.; 22, 2об.].

Н. М. Козлова (Гомбинская) в 1920-е гг. некоторое время служила в продовольственном магазине Управления военно-продовольственного снабжения Омской губернии. А младшая дочь М. К. Гомбинского – Евгения – работала лаборантом в Омском военном госпитале. Сын нашего героя, Сергей в 1932–1933 гг. жил в Ленинграде, оттуда он был призван в ряды РККА. Но о С. М. Гомбинском родственники, жившие в Омске,

предпочитали максимально умалчивать, дабы неосторожным словом не создать их сыну и брату проблем [16, л. 5, 5об., 12об., 13об.; 18, л. 38].

Постановлением избирательной комиссии при Омском городском исполкоме от 3 января 1931 г. М. К. Гомбинский был лишен избирательных прав, но именно не как бывший офицер, а «за эксплуатацию (нетрудовой доход) от дома». 9 января 1931 г. Михаил Константинович подал в Омскую городскую избирательную комиссию ходатайство о восстановлении ему прав, рассмотренное 18 января 1931 г. С аналогичным заявлением лишенец Гомбинский 3 февраля 1931 г. обращался и в Западносибирскую краевую избирательную комиссию. Но оба прошения не возымели действия [16, л. 1–3об., 6, 6об.; 23, л. 30].

Примечательно, что в условиях жизненных тягот, и притеснений властью Гомбинские, как религиозная семья, были верны своим духовно-нравственным традициям. Так, в комнате Михаила Константиновича, стояло полтора десятка икон. Гомбинские посещали Крестовоздвиженскую церковь, располагавшуюся на улице Тарской (ныне – Собор Воздвижения Креста Господня, ул. Тарская, д. 33), неподалеку от их дома. Но дабы в суровое время гонений власти и общества на религию и верующих не навлечь на себя беду, дочери М. К. Гомбинского – Нина и Елизавета, работая в советских учреждениях, вынужденно посещали антирелигиозные пропагандистские вечера, организовывавшиеся по месту их службы [16, л. 17об., 18].

Многие частные подробности жизни М. К. Гомбинского и его семьи могли бы остаться неизвестными, если бы 11 декабря 1934 г. в Омский городской административный отдел и Омскую городскую избирательную комиссию одновременно не поступили два письма схожего содержания. Автором их был один из омских обывателей – Константин Александрович П. (по этическим соображениями, полное имя этого человека мы не называем). Оба письма начинались так: «Просматривая списки лиц, лишённых избирательных прав, я заметил, что в них отсутствует фамилия Михаила Константиновича Гомбинского, проживающего в Омске по Тарской, 28...». В

письмах подробно, хотя и весьма поверхностно, на обывательский манер, о Гомбинских указывались различные сведения, по которым в видении советской власти семья могла бы предстать во враждебном свете. По тексту писем видно, что заявитель был вхож в круг общения Гомбинских. Автор писем, по тексту не раз требовавший сохранить свое имя в тайне, категорично и неоднократно настаивал на лишении избирательных прав всех членов семьи Гомбинских. Умело угадывая острую политическую конъюнктуру дня, и проявляя «политическую бдительность», в качестве одного из финальных доводов в пользу своих требований автор писем указывал: «Лишение этой публики избирательных прав – лучший ответ на убийство верного сына пролетарского народа товарища Кирова» [16, л. 9–18].

Надо отметить важную характеристику личности доносителя: в 1927 г. он сам недолго был лишенцем за отказ служить в РККА и как бывший член семьи торговца (лица, жившего на нетрудовой доход). Будущий автор доноса на семью Гомбинских 22 июня 1929 г. подал в Омский окружной исполком ходатайство о восстановлении в правах, которое сначала отклонили. Но постановлением Омской городской комиссии по пересмотру списков и жалоб лишенцев по городу Омску от 29 ноября 1930 г. Константин Александрович П. был восстановлен в правах [24, л. 9; 25, л. 53; 26, л. 328об.].

Интересен факт: в списках омичей-лишенцев на 1934 г., М. К. Гомбинский все же числился [16, л. 11]. И оба «сигнала во власть», как таковые не были актуальны; поэтому никакой ответной реакции власти и не последовало. Но, вероятно, что «неведение» автора доносов «неактуальности» таковых, могло быть лишь «прикрытием». Ведь доноситель, говоря о М. К. Гомбинском, «попутно» сообщал власти весомый объем «компромата» сразу на нескольких членов семьи. По тону подачи информации в письмах стремление их автора испортить жизнь Гомбинским выглядит уж слишком очевидным.

Нам не удалось проследить финал жизненного пути М. К. Гомбинского, но учитывая тяжелое состояние его здоровья и возраст, можно предположить, что к концу 1930-х гг. он уже мог уйти из жизни. Сведений о применении к

герою нашей публикации в 1930-е гг. иных мер репрессивного характера, кроме лишения избирательных прав, нами выявлено не было.

С точки зрения практики архивного дела, пока есть сложность использования документов о лишении граждан избирательных прав. Проблема заключена в частичном ограничении их выдачи пользователям читальных залов государственных архивов. Причина ограничения в том, что документ содержит конфиденциальную информацию, связанную, в том числе, и с фактами умышленного доноительства на лишенцев. Единственное обстоятельство, каковое может способствовать полному снятию ограничений доступа к данным документам – истечение значительного срока времени.

Рассмотренный пример судьбы героя данной статьи, по мнению автора, сполна позволяет оценить источниковый потенциал документов, связанных с лишением советских граждан избирательных прав. Сегодня эти свидетельства истории могут быть использованы исследователями как ценный ресурс по изучению общественно-политической жизни середины 1920-х – первой половины 1930-х гг., истории повседневности, а также исторической биографии и практической генеалогии. Обозначенный тезис имеет особую актуальность в связи с антропологическим поворотом в современной исторической науке. А Гражданская война и ее последствия требуют от ученых всестороннего и пристального изучения, поскольку и в наше время в обществе преобладают стереотипные и искаженные представления об одном из самых сложных и противоречивых периодов российской истории [27].

Библиографический список

1. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Издательский дом «Мир истории», 2003. 247 с. ISBN 5-98308-002-4.

2. Варзаков И. В. Военная интеллигенция в белой борьбе на восточном фронте: штрихи к портрету // Вестник Пермского государственного

гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 130–150.

3. Абинякин Р. М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920-1930-е гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. 2013. № 4. С. 47–52.

4. Стельмак М. М. Особенности возвращения избирательных прав «лишенцам» в 1920-е гг. // Чтобы это не повторилось. Материалы конференции «Помня прошлое. 75 лет Большого террора». Омск: Центр развития общественных инициатив. 2012. С. 23–25.

5. Петин Д. И., Ефремова Ю. Н. Источниковый потенциал семейных архивов в реконструкции биографии и генеалогии участника Гражданской войны. На примере архива семьи Абрамовых. Первая половина XX в. // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 217–231.

6. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 249–282.

7. Бакшт Д. А. Лев Черный (П. Д. Турчанинов) в сибирской ссылке (1907–1910 гг.): документы органов Департамента полиции в реконструкции биографии деятеля российского анархизма // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 300–311.

8. Каминский В. В., Верременко В. А. Дворянская семья Барановских на сломе эпох // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 64–83.

9. Петин Д. И. Биографические источники в практической генеалогии: на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии П. П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294–312.

10. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.

11. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.

12. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер–деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.

13. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал–майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

14. Оссовский А. В., Петин Д. И. Россия на перепутье: три судьбы представителей рода Оссовских // Родословная книга Сибири. Омск: ООО «Золотой тираж» (Омскбланкиздат), 2014. С. 245–256.

15. Российский государственный военный архив. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 12.

16. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-235. Оп. 8. Д. 1100.

17. О судьбе Б. А. Оссовского см. подробнее: Петин Д. И. Петропавловский уездный начальник Борис Александрович Оссовский (1864–1916) // Уроки истории: Материалы Международной научно-практической конференции «Регионы Казахстана: история, современность, перспективы», посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 80-летию Северо-Казахстанской области / Под. ред. С. З. Маликовой. Петропавловск, 2016. С. 90–103.

18. ГИАОО. Ф. Р-1377. Оп. 1. Д. 3.

19. ГИАОО. Ф. 391. Оп. 2. Д. 91.

20. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск: Омское кн. изд-во, 2001. Т. 4. 429 с.

21. ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 3. Д. 893.

22. ГИАОО. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 424.

23. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 65.

24. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 5.

25. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 15.

26. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 39.

27. Петин Д. И., Стельмак М. М. «Сибирь, союзники и Колчак». Восприятие военно-революционного периода 1917-1922 гг. современным

обществом (В рамках работы Центра изучения истории Гражданской войны) // Гражданская война в России (1917-1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16-17 июня 2016 г.) / глав. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Гефнер, И. А. Селезнева. М.: «Институт наследия», 2016. С. 340–345.

Петин Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны (Исторический архив Омской области), доцент кафедры «Отечественная история» ОмГТУ.